

— Вы не волнуйтесь, сейчас всё иначе, — Хэ Сяомань встала перед тётей Ван. — Не говоря уже о мести, этот человек больше не сможет оставаться безнаказанным...

— Тётя Ван, — произнёс Хэ Линнань.

Хэ Сяомань, стоя рядом, отчаянно пыталась поймать его взгляд, но он даже не смотрел на неё, его глаза были прикованы к тёте Ван. — Всё в порядке, считайте, что вы приехали сюда как турист, не нужно ничего записывать.

Тётя Ван облегчённо улыбнулась, затем посмотрела на Хэ Сяомань. — Но... как то неудобно.

Не только тётя Ван, но и остальные жители деревни Юьмицунь следили за её действиями. Как только Хэ Линнань произнёс эти слова, остальные жители также начали незаметно двигаться к двери офиса.

Гао Фэнцзюань смотрела на своих односельчан с изумлением, затем громко крикнула:

— Мы же всё обсудили перед тем, как сюда приехать! Вы, люди в возрасте, как не стыдно!

Мужчина в клетчатой рубашке проходил мимо и, услышав её слова, резко повернулся. — Сяомань, когда она помогала нам оформлять паспорта, сказала, что мы едем за границу отдыхать! Сама девчонка молчит, а ты тут кричишь...

— Вы тогда трусили и не помогли, а теперь, когда злодей повержен, вам нужно всего лишь сказать несколько слов в качестве свидетельства, и вы бросаете этих двоих детей! Не стыдно вам?

— Гао Фэнцзюань, не прикидывайся святой! Если ты такая смелая, помоги сама! Ты ведь тоже тогда не помогла этим детям!

В офисе начался шум, кто то выбежал сообщить о происходящем, и в комнату вошёл мужчина средних лет в золотистых очках, словно его долго ждали.

Хэ Линнань почувствовал необычную ауру этого человека и, наклонившись к Цинь Мянью, спросил:

— Это тот Па Таконг?

— Па Таконг, — поправил Цинь Мянью.

Хэ Линнань приподнял бровь.

Па Таконг вернулся в офис, и его помощник громко объявил:

— Уважаемые, это бывший советник президента, господин Па Таконг!

Это заявление прозвучало как «император прибыл», и все присутствующие замолчали, внимательно разглядывая Па Таконга.

Па Таконг сначала посмотрел на Цинь Мян, кивнул, а затем протянул руку Хэ Линнаню, стоящему рядом. — Господин Хэ, верно?

Хэ Линнань пожал его руку. — Приятно познакомиться.

Они обменивались вежливыми фразами, но Хэ Линнань не упускал из виду разговоры жителей деревни Юьмицунь.

— Может, всё таки закончим запись показаний здесь? Этот злодей, какой бы могущественный он ни был, разве может быть сильнее президента?

— Этот человек не президент, он же советник президента? Что это за должность такая?

— Ты помнишь тот сериал, который я тебе советовал? Советник... это что то вроде левого защитника или что то в этом роде.

— Подождите, вы не слышали, что помощник сказал «бывший президент»? Это не нынешний президент! Я узнал, что нынешний президент не из их команды, они проиграли на выборах!

— А? Тогда этот левый защитник тоже не ахти.

Сам «левый защитник» явно был привычен к подобным ситуациям, улыбнулся и повернулся к жителям деревни Юьмицунь, жестом указав на ряд камер у стены. — Успокойтесь, сегодня я заявляю о своей позиции, и вы находитесь под защитой нашей партии. Партия обычно избегает участия в подобных чувствительных делах, связанных с политическими фигурами, но в этом случае мы не стали уклоняться, что говорит о нашей решимости наказать преступника!

Па Таконг сделал паузу, и его помощник тут же продолжил:

— Мы привлечём всё внимание судебной системы Синьти к делу Стивена Ли, и, уверяю вас, к вашему возвращению в Пограничный город Стивен Ли и его сообщники уже будут наказаны по закону!

После слов Па Таконга и его помощника жители деревни Юьмицунь продолжили спорить, словно ничего не слышали.

Споры продолжались, но никто не покидал офис.

Лысый старик первым нарушил паузу и направился к камерам. — Я начну.

— Лао Чэнь! — мужчина в клетчатой рубашке схватил его. — Это не шутки, если нас запишут, и если этот синтиец не будет наказан, он узнает, как мы выглядим. Ты разве не видел, что случилось с Юнжуном?

Лао Чэнь посмотрел на руку, держащую его, не стал вырываться, а просто потащил мужчину в клетчатой рубашке к камерам. — Моего старого быка спас Юнжун, я обязан ему жизнью быка. Тогда моя жена не позволила мне пойти с детьми Хэ заявить в полицию, а теперь моя жена лежит в могиле на огороде. Я пойду с детьми заявить.

Слово «дети» задело Хэ Линнаня за живое. Сколько лет уже никто не называл его ребёнком.

Он вдруг вспомнил, что все эти люди видели, как он и Сяомань росли с самого детства.

Мужчина в клетчатой рубашке отпустил Лао Чэня и шагнул к двери офиса.

Хэ Линнань стоял недалеко от двери и, увидев его приближение, прижался к стене, полностью освобождая проход.

Мужчина в клетчатой рубашке не переступил порог, а развернулся и встал перед Хэ Линнанем, протянув руку, почти касаясь его носа. — Хэ, парень! Не надо строить из себя героя!

— Я тебе скажу, у меня на шее семья из шести человек! Страшно, разве нельзя? Я в детстве видел, как синтийские дезертиры приходили в деревню, убивали и грабили. Эти твари убивали, даже не моргнув! Я пойду с тобой заявить, а если синтиец вернётся и убьёт всю мою семью, ты, ребёнок, сможешь за них ответить? Я тебя не предал! Ты всё время копаешься в себе, думаешь, что мы тебе не помогли? А ты подумал, что мы тебя спасли!

— Синтиец с пистолетом ходил и спрашивал, кто знает Юнжуна, кто из семьи Юнжуна. В деревне Юьмицунь, каждый, кто открыл рот, сказал хоть слово?

Мужчина в клетчатой рубашке говорил всё громче, и к концу его шея покраснела, вены набухли.

Хэ Линнань знал это.

Если бы хоть один житель деревни выдал их, он и Сяомань не дожили бы до сегодняшнего дня.

Эти люди не пошли с ним в полицию не из за равнодушия, а из за страха.

Страх смерти: разве не все живые боятся смерти?

Если бы всё в мире было чёрно белым, разве было бы столько неразрешимых вопросов?

Он не отводил взгляда от мужчины в клетчатой рубашке, но не мог найти слов в ответ.

Мужчина резко развернулся, подошёл к Лао Чэню, оттолкнул его и закричал в камеру:

— К чёрту! Я начну!

<http://tl.rulate.ru/book/5531/190998>